

ГУМАНИТАРНАЯ ЭКСПЕРТИЗА: ПЕРСПЕКТИВЫ И ГРАНИЦЫ ВОЗМОЖНОСТЕЙ

А.Д. МАЙДАНСКИЙ

Аннотация

В статье обсуждаются проблемы гуманитарной экспертизы технонаучных проектов, определяются перспективы и границы ее возможностей. Автор выступает против переоценки этих возможностей и предлагает сосредоточиться на реально разрешимых проблемах. Так, например, гуманитарная экспертиза не в состоянии остановить или повернуть вспять объективный процесс «дигитализации» образования; реальная стоящая перед нею проблема заключается в определении конкретной пропорции между живым и цифровым компонентами обучения, между формами прямого и медийного человеческого общения в сфере образования. Принцип решения данной проблемы видится автору следующим образом: чем качественнее, содержательнее живое общение, чем выше уровень живого процесса преподавания, тем большей должна быть его доля, отведенное для него время. Реально противостоять дигитализации образования, не скатываясь в луддизм, можно лишь путем повышения качества «живого» образования.

В ходе обсуждения противостояния трансгуманистов и биоконсерваторов по проблеме «улучшения человека» показано, что обе партии исходят из одного и того же ошибочного, натуралистического представления о человеческой природе; вся разница в том, что одни протестуют против технической трансформации человеческого тела, а другие жаждут его радикального, ничем не ограничиваемого «улучшения». Стержневым для гуманитарной экспертизы является вопрос цены и последствий, которыми чревата трансформация телесности для подлинной, общественной природы человека.

Ключевые слова: технонаука, гуманитарная экспертиза, дигитализация образования, коммерческая наука, «улучшение человека», трансгуманизм.

Майданский Андрей Дмитриевич – доктор философских наук, профессор кафедры философии Белгородского государственного национального исследовательского университета; внештатный научный сотрудник сектора гуманитарных экспертиз и биоэтики Института философии РАН. caute@nm.ru

Цитирование: МАЙДАНСКИЙ А.Д. (2017) Гуманитарная экспертиза: перспективы и границы возможностей // Философские науки. 2017. № 4. С. 110–116.

Содержательная дискуссия должна начинаться с определения пунктов согласия – общей теоретической почвы, на которой стоят участники. Чем меньше эта территория согласия, тем выше риск превращения спора в поход «кто в лес, кто по дрова», – чего никому, разумеется, не хотелось бы.

Все участники дискуссии считают гуманитарную экспертизу необходимым предварительным этапом реализации технологических проектов в общественных масштабах. Все чрезвычайно критически оценивают влияние информационных технологий на человеческую личность в современном мире. С этими общими местами мало кто станет спорить, и я тоже не собираюсь. Разногласия как правило начинаются сразу же, как только «гуманитарные эксперты» приступают к делу, предпринимая попытки оценить какие-либо технологические проекты, а то и генеральный вектор развития техногенной цивилизации. Здесь в отечественной литературе перед нами полный спектр мнений — от гуманитарно озабоченного технооптимизма (Д.И. Дубровский и многие его сотоварищи по проекту «Глобального будущего 2045» [Дубровский 2013 (ред.); Дубровский, Климова 2014 (ред.)]) до неистовой алармистской антропологии В.А. Кутырёва.

В нашей дискуссии разброс мнений не столь велик. Авторы благо-разумно избегают крайних позиций, при этом демонстрируя типичную для гуманитариев озабоченность упадком современной культуры и деградацией личности. С.М. Климова и А.А. Трунов сетуют на «коммерциализацию жизни» и критикуют отечественную систему образования. Е.В. Мареева пытается взглянуть на современность из более-менее отдаленного прошлого — экзистенциальным взглядом Кьеркегора или в лупу культурной социологии А. Моля.

Когда дело доходит до конкретных предложений, у Е.В. Мареевой таковых не находится вовсе; С.М. Климова рекомендует создать «твердую законодательную базу», в которой были бы прописаны «юридические правила апробации инноваций»; А.А. Трунов призывает «когнитариев», оставив в сторону миску с «чечевичной похлебкой», совместными усилиями сконструировать «оригинальный образ будущего, а лучше — его полноценную “дорожную карту”».

Допустим, эти прекрасные намерения осуществились на практике. Гуманитарная экспертиза в деталях прописана в законах РФ, а коллективный разум «когнитариата» сумел разработать пошаговую стратегию построения будущего общества. Решит ли это проблему негативных последствий научно-технического прогресса? Конечно, нет. С проблемой подобного — всемирно-исторического — масштаба нельзя справиться при помощи юридических процедур и дорожных карт. Это решительно, абсолютно невозможно даже в такой периферийной в плане научно-технического прогресса стране, как наша.

Сомнения на сей счет возникают и у С.М. Климовой. Кто гарантирует качество и достоверность гуманитарной экспертизы? — спрашивает она. — Не окажутся ли эксперты, как это сплошь и рядом бывает, под пятой могущественных государственных и рыночных структур? Можно увидеть еще не один веский повод для сомнений в эффектив-

ности таких экспертиз. Способны ли гуманитарии, не имея солидного инженерно-технического образования, просчитать последствия революционных технологических инноваций? А как быть, если в одной экспертной группе окажутся Д.И. Дубровский с В.А. Кутырёвым? Наука — область не прекращающейся полемики: на переднем краю научного познания (особенно в науках гуманитарных) практически не бывает единодушия, о котором грезит А.А. Трунов.

Таким образом, вряд ли стоит чересчур уповать на гуманитарную экспертизу перед лицом глобальных технологических рисков, не говоря уже о монструозных мегамашинах рынка и государства. Гуманитарное экспертное сообщество можно сравнить с впередсмотрящим матросом на клотике корабля, однако вряд ли стоит рассчитывать, что ему доверят прокладывать курс или же станут руководствоваться начерченной им дорожной картой.

Тема гуманитарной экспертизы активно разрабатывается вот уже добрую четверть века, но, как трезво замечает С.М. Климова, проку от проводившихся экспертиз — кот наплакал. Так что, справедливо говоря о необходимости гуманитарной экспертизы новых общественно значимых технологий, не стоит преувеличивать эффективность данной процедуры, как не стоит и слишком уж расширительно трактовать понятие гуманитарной экспертизы, пытаясь вписать в него, например, общественное движение против поворота сибирских рек, как поступает С.М. Климова. Наоборот, эти экологические движения включают в себя гуманитарную (но не только гуманитарную) экспертизу в качестве компоненты *sine qua non*, — притом не существует прямой зависимости между качеством экспертной оценки и успехами или неудачами этих движений.

Любые рассуждения о необходимости и пользе гуманитарной экспертизы технонаучных проектов имеют смысл лишь при условии, что нами более-менее точно очерчены *границы ее реальных возможностей*. В противном случае экспертиза рискует превратиться в гуманитарный плач по утерянным волосам или того хуже — в еще одну, не особо крупную, препону на пути научно-технического прогресса.

Так, с начала века то и дело приходится слышать тревожные протесты против «дигитализации» образования, против вытеснения живой личности педагога всякого рода онлайн-курсами, экзаменов — тестовыми методиками контроля знаний и т.п. Что может противопоставить этому объективному технонаучному процессу гуманитарная экспертиза? Остановить его или повернуть вспять никакие эксперты, очевидно, не в состоянии. Если С.М. Климова и А.А. Трунов преследуют эту цель, их экспертные старания обречены пойти прахом. Партизанам «живого» образования по силам лишь на некоторое — исторически весьма краткое — время затормозить его дигитализацию в отдаленно взятой стране.

С тем же пафосом их предтечи-меломаны, поклонники «живой» музыки, в не столь давние времена протестовали против экспансии цифровых технологий и синтезаторов звука. Довольно скоро, однако, обнаружилось, что «живой» звук вполне способен мирно сосуществовать с «мертвым» — на основе принципа дополнительности. Полагаю, тем же кончится дело и в сфере образования. Останется лишь проблема определения *конкретной пропорции* между живым и цифровым компонентами обучения.

Разумеется, цифровой образовательный «контент» не может заменить процесс живого общения, диалога между учителем и учеником. Мне не приходилось слышать, чтобы кто-либо утверждал обратное. И сильно сомневаюсь, что разработчики лидирующей сегодня в мире электронной образовательной платформы Coursera (онлайн-курсы от ведущих мировых университетов) ставили перед собой подобную абсурдную цель. С.М. Климова позабыла указать, с кем, собственно, она спорит — что за субъект вознамерился сделать «безличного преподавателя... учителем живого конкретного человека»...

И потом, почему же преподаватель непременно «безличный»? Онлайн-курсы читают и вполне живые конкретные личности, в числе которых — звезды современной науки первой величины. Да, это всего лишь видеозапись, но лично я дорого дал бы, чтобы увидеть давние лекции мыслителей, на чьих книгах я вырос. Полагаю, пара таких фильмов принесла бы мне не меньшую пользу, чем курсы лекций от полудюжины живых учителей, слышанные мною на университетской скамье. Вообще, не вижу принципиального различия между видеозаписями лекций, демонстрируемыми на платформе Coursera, и, скажем, на телеканале «Культура», особенно учитывая, что весь «контент» этого прекрасного «образовательного ресурса» сегодня также существует в цифровой форме и распространяется через сеть Интернет.

Если уж противостоять распространению онлайн-курсов, то делать это надо не запретами свыше и не филиппиками гуманитарных экспертов в прессе, а кардинальным повышением качества «живого» образования, каковое, что греха таить, у нас далеко не блестящее. Послушаешь иных наших учителей живьем и задумаешься, не лучше ли было бы употребить потраченное время на чтение хорошей книги или на то, чтобы посмотреть лекцию по данной теме на каком-нибудь канале в YouTube...

Реальной, и всё более насущной, проблемой гуманитарной экспертизы является определение *оптимальных пропорций между формами живого и медийного человеческого общения* — между, так сказать, свежей пищей духовной и цифровыми «консервами» — в образовательном процессе. (В принципе, и эта проблема далеко не нова: только в прежние времена информация консервировалась не в электронных сетях

и «девайсах», а на бумаге и пергаменте.) Принцип решения данной проблемы видится мне следующим образом: чем качественнее, содержательнее живое общение, чем выше уровень живого процесса преподавания, тем большей должна быть его доля, отведенное для него время. И наоборот. (Естественно, тут вырастет новая проблема или, вернее, целый круг непростых проблем: индикация качества учебных занятий, распределение учебных часов, персонализация учебных программ и т.д.)

Объективно-историческим препятствием на этом пути является дружно и справедливо осуждаемая участниками дискуссии коммерциализация образования, подчинение его безличным рыночным стандартам и утилитарным целям. При этом качественные параметры образовательного процесса и научно-исследовательской деятельности отступают на второй план или же выражаются через абстрактно-количественные рейтинги, индексы и импакт-факторы, через величины полученных денежных премий, грантов и пр.

В истории науки началась новая эпоха, которую можно назвать *эрой коммерческой науки* (*scientia commercialis*). Современная наука копирует или, по меньшей мере, имитирует структуру рынка. В сфере высшего образования настало время «академического капитализма» (1). Классические университеты выходят на рынок с предложением инновационных технологий и заключают контракты, занимаются защитой авторских прав и созданием технопарков, находясь в постоянном поиске источников дохода. Руководство университетом чем дальше, тем больше походит на финансовый менеджмент фирмы.

Может ли гуманитарная экспертиза противостоять этому объективному историческому ходу вещей? В известном смысле, да. Так же, как это делает мировая художественная литература, показывая истинный облик мира, где всеобщей мерой человеческих отношений становятся деньги, эта «шлюха человечества» (Шекспир). Остановить настоящий ход истории практически невозможно, но показать людям идеал нормальных человеческих отношений и оценить перспективу его исторического осуществления — совершенно необходимо. В этом плане я солидарен с С.М. Климовой и полностью поддерживаю ее гуманистические устремления. При этом все же вряд ли стоит возлагать утопические надежды на гуманитарную экспертизу в плане кардинальных перемен к лучшему в обозримом будущем.

В заключение — несколько слов об активно обсуждаемом сегодня технонаучном проекте «улучшения человека». Человек вообще — существо искусственное, техничное, и его тело, включая мозг, является таким же объектом приложения общественно-человеческого труда, как и любая иная данная природой «материя». Накладывать всякого рода «антропологические» табу на преобразование человеческого тела — дело исторически бесперспективное. Труд давно и необратимо

изменил природное тело антропоида, выпрямил его вертикально (не смотря на целый букет неблагоприятных для здоровья последствий), превратил верхнюю конечность в человеческую руку и т.д. Модернизация тела, безусловно, продолжится, что бы там ни говорили «био-консерваторы».

Прямой – и столь же абстрактной, теоретически неразумной – противоположностью этой позиции является «трансгуманистическая» апология всемогущества технологий. Обе партии исходят из одних и тех же натуралистических представлений о природе человека; вся разница в том, что одни протестуют против технической трансформации человеческого тела, а другие жаждут его радикального, ничем не ограничиваемого «улучшения». При помощи техники и технологий трансгуманисты стремятся наделить человеческое тело бесчисленными степенями свободы и одолеть самую смерть. В своих фантазиях человечество стремилось к этому всегда, сколько оно себя помнит, а научно-техническая революция, как мы знаем, способна осуществлять фантазии на практике. Остается вопрос цены и последствий, которыми это чревато для подлинной – *общественной* – природы человека. По-видимому, этот вопрос является стержневым для гуманитарной экспертизы и неминуемо обострится в не столь уж далеком будущем.

ПРИМЕЧАНИЕ

(1) Термин обрел популярность благодаря одноименной книге Шейлы Слофтер и Ларри Лесли [Slaughter, Leslie (1997)].

ИСТОЧНИКИ

Дубровский 2013 (ред.) – Глобальное будущее 2045. Конвергентные технологии (НБИКС) и трансгуманистическая эволюция / под ред. Д.И. Дубровского. – М.: Издательство МБА, 2013.

Дубровский, Климова 2014 (ред.) – Глобальное будущее 2045: Антропологический кризис. Конвергентные технологии. Трансгуманистические проекты / под ред. Д.И. Дубровского, С.М. Климовой. – М.: Канон+; РООИ «Реабилитация», 2014.

Slaughter, Leslie (1997) – *Slaughter S., Leslie L. Academic capitalism.* – Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 1997.

HUMANITARIAN EXPERTISE: PERSPECTIVES AND LIMITS OF ITS CAPABILITY

A.D. MAIDANSKY

Summary

The article discusses the problems of humanitarian expertise of technoscientific projects to determine the prospects and limits of the capabilities of such expertise. The author opposes the reassessment of these possibilities and proposes to concentrate the attention on real solvable problems. For example,

humanitarian expertise is unable to stop or reverse the objective process of “digitizing” the education; the real problem is to determine the specific proportion between the living and digital components of learning, between the forms of direct and mediated human communication in the sphere of education. The author sees the principle of solving this problem in the following way: the more qualitative and meaningful the live communication is, i.e. the higher is the level of living teaching process, the greater should be the portion of time, allotted for it. To resist the digitalization of education actually, without slipping into ludism, is possible only by improving the quality of “living” education.

Discussion of the confrontation between transhumanists and bioconservatives on the problem of “human enhancement” shows that both parties proceed from the same erroneous, naturalistic concept of human nature. The difference is that the former party protests against the technical transformation of the human body, while the latter one craves for its radical, unlimited “improvement”. For humanitarian expertise, the core question is the price and consequences of the transformation of human body for the genuine, social nature of man.

Keywords: techno-science, humanitarian expertise, digitalization of education, commercial science, “human enhancement”, transhumanism.

Maidansky, Andrey – D.Sc. in Philosophy, Professor of Philosophy at the Belgorod State National Research University; Non-staff Research Fellow at the Department of Humanitarian Expertises and Bioethics, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences.
caute@nm.ru

Citation: MAIDANSKY A.D. (2017) Humanitarian Expertise: Perspectives and Limits of its Capability. In: *Philosophical Sciences*. 2017. Vol. 4, pp. 110-116.

REFERENCES

Dubrovsky D.I. (ed.) (2013) *The Global Future 2045. Convergent Technologies (NBICS) and Transhumanist Evolution*. MBA Publications, Moscow (in Russian).

Dubrovsky D.I., Klimova S.M. (eds.) (2014) *The Global Future 2045: An Anthropological Crisis. Convergent technologies. Transhumanist projects*. Kanon +; ROOI Rehabilitation, Moscow (in Russian).

Slaughter S., Leslie L. (1997) *Academic capitalism*. The Johns Hopkins University Press, Baltimore.